

Анна Вячеславовна Устинова
Антон Давидович Иванов
Проклятие старых могил
Серия «Страшилки»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600365
Проклятие старых могил: Эксмо; М.; 2001
ISBN 5-04-006272-9

Аннотация

А все так хорошо начиналось! Впереди было несколько дней весенних каникул, которые верные друзья Федя, Жанна и Макс проведут вместе... И зачем они в то злосчастное утро послушали своего одноклассника Толика Волобуева и пошли на старое кладбище, где при реконструкции церкви были обнаружены несколько заброшенных могил. Случайная находка – бронзовый терновый венок – лишь начало загадочных, необъяснимых и леденящих кровь событий...

Содержание

Глава I	4
Глава II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Антон Иванов, Анна Устинова

Проклятие старых могил

Глава I

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Мой лучший друг Макси-Кот добрался до меня лишь на третий день весенних каникул. Так уж получилось. Потому что в первый день он лечил зубы. А на второй к его предкам пожаловали в гости какие-то дальние родственники то ли из Мурманска, то ли из Норильска. Я толком так и не разобрался. Да это и не особенно важно. Главное, они в последний раз видели Макса, когда он еще сидел в коляске. И им теперь непременно хотелось увидеть его высоким и большим. Хорошо еще, что в Москве они оказались проездом, всего на один день. Поэтому сегодня Макси-Кот наконец смог ко мне вырваться на целых три дня. То есть почти до самого конца весенних каникул. Они же всегда до обидного короткие. Учишься, учишься.

Ждешь их, ждешь. А потом не успеешь начать отдыхать, как снова – добро пожаловать в школу. А тут целых два дня

пропало. Если бы хоть Жанна была на месте. Так ведь нет. Все по закону подлости. На те же самые два дня, что мой друг Макси-Кот мучился с зубами и родственниками, Жанну увезла мать... Вы даже представить себе не можете куда: на дачу! А что, интересно, делать на даче в конце марта? Когда абсолютно все вокруг раскисло и тает. Впрочем, как выяснилось по приезде Жанны, они с ее мамой Юлией Павловной и ее друзьями, которым и принадлежит дача, оба дня, трясаясь от холода, просидели у камина. Потому что батарея потекла, а газовый котел испортился. Им бы тут же смотаться в Москву, но хозяева вызвали мастера и дожидались, пока он все им починит. И Юлия Павловна с Жанной ждали, потому что выехать оттуда можно только на машине, а она принадлежит хозяевам. Поэтому все сгрудились в единственной комнате, где был камин. Кроме него, еще поставили электрообогреватель. Но и это не помогло. Все, кроме Жанны, простудились.

Об этом я узнал сегодня утром, когда она ко мне пришла и объявила:

– Вы с Максом, когда он приедет, меня подождите, а я побежала в аптеку. У мамы высокая температура, и ей нужны лекарства.

Она ушла, и почти тут же явился Кот, как и обычно, с огромным рюкзаком за плечами. Каждый раз, когда он отправляется ко мне, предки собирают его словно на Северный полюс. Можно подумать, мы не на окраине Москвы живем, а где-нибудь посреди глухой сибирской тайги. Правда, от Са-

дового кольца до меня Макси-Коту пилить полтора часа, а иногда даже больше, если автобус к метро не сразу подходит. Поэтому он говорит, что ездит ко мне и Жанне, как на дачу.

Раньше-то мы с ним жили рядом. И учились в одной школе. Но прошлой осенью нам с предками дали квартиру здесь, на Серебряных Прудах. И теперь мы с Макси-Котом общаемся по большей части или во время каникул, или по выходным, когда кто-нибудь из нас едет к другому в гости с ночевкой.

Как вы, наверное, уже поняли, Макси-Кот – это прозвище, а на самом деле имя у него Макс, а Кот – фамилия. В общем, вошел Макси-Кот к нам в переднюю и немедленно сбросил на пол свой таежный рюкзак.

– Вот черт. Запарился. Еле доехал.

Я посмотрел на друга. Его круглая физия была красной, а бледным оставался лишь острый кончик длинного тонкого носа.

– С автобусами у вас все-таки плохо дело поставлено, – снимая куртку, продолжал он. – Час стоял, и ни одного. А когда наконец появился, в него народу набилось, как сельдей в бочке. Меня с этим рюкзаком едва не убили. Пришлось на него брать отдельный билет. Кондукторша заявила, что он занимает «целое человеко-место». Хорошо еще, до тебя, Фома, долго ехать, и автобус почти опустел. Иначе бы я не вылез.

– Но ведь вылез, – я хлопнул его по плечу.

Макси-Кот поволок свой рюкзак на кухню, где принялся выгружать севернополюсные припасы. Мы быстренько записали их в холодильник.

— Ну и какие у нас на сегодня планы? — пристально посмотрел на меня Кот.

— Да пока не знаю, — пожал я плечами. — Пойдем погуляем. По дороге что-нибудь и придумаем.

— А где наша Жанна д'Арк? — осведомился мой друг.

Вообще-то у Жанны фамилия Тарасевич. Но мама назвала ее в честь Орлеанской Девы, и внешне она вылитый портрет Жанны д'Арк из учебника истории.

— В аптеке, — пояснил я. — Спасает в данном случае не французский народ, а собственную мать от простуды.

И я рассказал Коту о славной поездке Тарасевичей за город.

— Бывает, — хихикнул тот. — Так чего, мы Жанку ждем или она дальше спасать собирается?

— Да она просила, чтобы мы подождали, — ответил я.

— И долго? — Макс посмотрел на часы.

— А мы разве куда-нибудь торопимся? — поинтересовался я.

— Нет. Просто каникул жалко, — совсем по-кошачьи ухмыльнулся Кот. — Но так уж и быть. Подождем.

Тут трижды позвонили в дверь. Я открыл. Это была Жанна.

— Приехал? — она посмотрела мимо меня.

– Приехал, приехал, – вылез вперед Кот.

– Максик! – воскликнула Жанна. – Ребята, еще секундочку! Сейчас матери все отнесу, возьму Пирсика, и пойдем. Можете пока одеваться.

– Спасибо за разрешение, – отвесил ей шутовской поклон Макси-Кот.

Но Жанна этого не заметила. Она уже скрылась за дверью собственной квартиры, которая находится по соседству с нашей.

Мы начали одеваться. За дверью послышался звонкий лай. Я открыл. Первым в квартиру ворвался маленький черненький бородатый двортерьер Тарасевичей – Пирс. Увидав Кота, он взвился свечою в воздух и, метко лизнув моего друга в щеку, вновь приземлился. Затем то же самое было проделано со мной – обычный для Пирса ритуал приветствия. Прыгучесть у него просто потрясающая. По мнению Макса, Пирс таким образом компенсирует недостаток роста.

Я запер дверь квартиры, мы спустились на улицу. День выдался просто потрясающий. Тепло. Солнечно. А на газончиках около нашего длинного многоэтажного дома даже снега не осталось. И вообще, если бы не отсутствие травы, легко можно было бы подумать, будто уже середина апреля.

– Ну, так куда пойдем? – снова осведомился Макс. – Чего у вас, на Серебряных Прудах, новенького, интересненького появилось?

– Насчет новенького интересненького не знаю, – отклик-

нулась Жанна. – А вот старенькое неинтересненькое вижу. Оно направляется прямо к нам.

Я проследил за ее взглядом. К нам, размахивая руками, приближался наш одноклассник по девятому «Г» Толян Волобуев, которого Жанна относила к разряду «средних придурков». Правда, по-моему, с ним что-то интересненькое все же произошло. Потому что голова у Толяна была забинтована. А еще три дня назад, в последний день занятий, с его башкой все было в порядке.

Жанна тоже с интересом разглядывала стремительно приближающегося Волобуя.

– По-моему, кого-то он все-таки достал. И этот кто-то не выдержал, – выдвинула она гипотезу.

– Ребята! Ребята! – наконец, поравнявшись с нами, радостно воскликнул Толян. – Вы куда?

– Пока, как видишь, просто стоим, – сухо ответила Жанна.

– А чего у тебя с головой? – поинтересовался я.

– Так. Фигня, – отмахнулся Толян.

– Бандитская пуля? – ехидно покосился на него Макс.

– Не, – на полном серьезе ответил Волобуй. – Тренажер развалился.

– Какой тренажер? – удивилась Жанна.

– Да мы тут с Витьком решили на каникулы в тренажерный зал ходить, – начал объяснять Волобуй. – Здоровый образ жизни, понимаешь, – он развернул плечи и выпятил грудь. – Но у них там, видимо, с техникой безопасности пло-

хо. Чего-то недокрутили. Мне-то просто башку поцарапало.
– А тренера, конечно, насмерть, – покачала головой Жанна.

– Нет, не тренера, – снова на полном серьезе откликнулся Волобуй. – Витька.

– Насмерть? – охнула Жанна.

– Живой, – успокоил ее Волобуй. – Ему противовесом ногу придавило. Теперь в гипс закатали.

– Ту же самую? – хором охнули мы.

Осенью друг Толяна, Витек, уже ломал ногу.

– Противоположную, – солидно изрек Волобуй.

– От чего считая, противоположную? – полюбопытствовала Жанна.

– Естественно, от другой ноги, – Толян посмотрел на нее как на придурочную и с тяжким вздохом добавил: – Все. Выбыл Витек из строя до лета. А у нас с ним такие планы были.

Я понял: от Толяна нам теперь скоро не отделаться. Ему явно скучно без друга, а мы, как назло, попались ему на глаза. Видимо, Жанна подумала о том же. Потому что сказала:

– Ну ты бы, Толик, навестил друга. Ему же небось одному тоскливо дома и в гипсе.

– Он в гипсе, но не дома, – пояснил Волобуй. – В больницу положили. Только в какую, мать Витька от меня скрывает.

– Это еще почему? – не дошло до Макси-Кота.

– Она говорит: «Это ты, Толька, во всем виноват». В общем, у нее как-то так получается, что, если я к Витьку в боль-

ницу приду, там с ним еще чего-нибудь случится. А я совершенно ни при чем. Это его идея была – качаться. И мы по очереди на одном тренажере занимались. А то, что он не под Витьком, а подо мной развалился, – чистая случайность.

Толян обиженно помолчал, затем совсем другим тоном произнес:

– Ребята, а, может, давайте все вместе на кладбище сходим?

Мы переглянулись. После жутких событий, которые нам пришлось пережить прошлой осенью, мы старались обходить это кладбище стороной. Но не признаваться же в этом Толяну. И я равнодушным тоном проговорил:

– Да ну. Чего там делать? Небось все раскисло.

– Ты не понял, – как-то странно поглядел на меня Волобуй. – Я же не на само кладбище вас зову, а рядышком.

– Куда рядышком? – уставились мы на него.

– С елки упали? – в свою очередь изумился Толян. – Ничего не знаете?

– Не знаем, – ответил я. – А что мы должны знать?

– Ну, вы даете! – воскликнул Волобуй. – Весь район гудит, а они сидят и ничего не знают.

– Мы не сидим, но не знаем, – сказала Жанна.

– Больше конкретики, – потребовал Макси-Кот.

– Легко. – Волобуй принялся рыться в карманах. – Во! – он продемонстрировал нам раскрытую ладонь.

– Какая гадость! – едва взглянув, поморщилась Жанна.

На ладони у Толяна тускло поблескивали две золотые коронки. Зубные.

– А вот это видели? – его ничуть не смутила реакция Жанны.

На сей раз он показал нам изрядно погнутую брошку с большим камнем фиолетового цвета.

– Откуда дровишки? – осведомился Макси-Кот.

– Из леса, вестимо, – заржал придурочным смехом Волобуй. – А верней, из могил.

– Вы чего? – от возмущения у Жанны даже исказилось лицо. – Могилы с Витьком разоряете?

– Так вы, ребята, и впрямь без понятия? – ошалело качал перевязанной головой Толян. – Рядом с кладбищем стройка вовсю идет. Церковь с по-дворьем начали восстанавливать. Котлован экскаватором вырыли. А там оказались еще могилы. Видать, когда-то кладбище было большое. Ну, они, значит, вырыли, а все, что при этом нашлось, в кучу свалили. Им и вывезти не разрешают, и что дальше делать, неизвестно. Поэтому пока лежит.

– Что лежит? – спросила Жанна.

– Все, что в таких случаях полагается, – бодренько продолжал Толян. – Там рабочие, знаете, уже сколько себе нарыли? И монеты какие-то старинные, и кольца, и браслет...

– Но это же мародерство, – сказал Макси-Кот.

– Ни фиги, – принялся спорить с ним Волобуй. – Вот если бы я специально эти могилы разрыл и начал из них у покой-

ников вещи таскать, то, конечно, нехорошо. Но разрыли-то без меня, и теперь там само все валяется. А я че, дурак? Это ж как клад найти. Если сам не подсуечусь, то другие возьмут.

– А там разве не охраняют? – посмотрел на него Макс.

– Охраняют! – презрительно сплюнул Толян. – Свалили в кучу, и ладно. Теперь пока чухнутся, все и растащут.

– Ужас какой! – передернуло Жанну.

– Хотите покажу? – предложил Волобуй.

– Естественно, не хочу! – решительно воспротивилась Жанна.

– А почему бы и нет, – задумчиво произнес Макси-Кот.

– Вот именно! – снова стал уговаривать Волобуй. Видимо, без Витька ему и впрямь было скучно. – Ты, Жанка, врубись. Там совершенно не страшно. Костей-то не видно. Зато есть интересные плиты с надписями и еще там всякое-разное. Даже несколько бревен. Говорят, шестнадцатого века.

– На них что, дата выпуска стоит? – ухмыльнулся Кот.

– Не, – мотнул головой Толян. – Наш учитель истории приходил и определил. Говорит, достаточно материала для местного краеведческого музея. Теперь подписи начнет собирать в поддержку идеи.

– Да-а, – протянул Макси-Кот. – В ваших Серебряных Прудах жизнь бьет ключом.

– И все по голове! – снова заржал Волобуй. – Ну, идем, что ли?

Мы с Максом переглянулись. Взглянуть, хотя бы мельком,

стоило. Не каждый ведь день рядом с домом такое случается. Мы оба посмотрели на Жанну.

– Ясно, – вздохнула она. – Я в меньшинстве.

– Ладно тебе, – сказал я. – Глянем и уйдем.

– Делов-то, – пришел мне на помощь Толян. – Ты, Жанка, прикинь: вдруг найдешь чего-нибудь золотое.

– Заткнись, придурок, а то не пойду, – шикнула на него Жанна, и мы с Макси-Котом немедленно поняли, что она согласна. Судя по всему, ей тоже было интересно взглянуть на раскопки.

– Ну? – не отставал Толян.

Жанна, махнув рукой, двинулась в обход нашего дома. Пирс, радостно таякнув, побежал вперед. Поводок натянулся. Псу давно уже наскучило стоять на месте.

Миновав двор, мы вскоре оказались у входа на кладбище, где давно уже никого не хоронили. Оно было обнесено старинной покосившейся кованой оградой, на которой висела надпись: «Памятник XVIII века. Охраняется государством».

Как мы знали, государством охранялись еще и церковь, и церковное подворье. Один раз их даже начинали реставрировать, однако осенью прошлого года там вспыхнул пожар, и все сгорело. То есть каменный остов церкви уцелел, а вот плоды реставрации – нет. Поэтому зимой восстановительные работы начались снова.

Миновав вход на кладбище, мы прошли дальше. Кованая ограда кончилась. Ее продолжил глухой высокий дощатый

забор, который никак нельзя было отнести к памятникам архитектуры восемнадцатого века.

– Нам что, через забор лезть? – посмотрела Жанна на Волобуя.

– Во Маугли! – покрутил пальцем у виска тот. – Какой же забор без дырки?

И Толян жестом гостеприимного хозяина раздвинул две широченных доски:

– Заходите, братцы, не стесняйтесь. Будьте как дома.

Насчет дома уж не знаю, но мы зашли. А вернее, пролезли. Размах строительства впечатлял. Судя по размеру котлована, новое церковное по-дворье обещало стать грандиозным. Впрочем, где гарантия, что тут строили именно подворье?

– Сюда, сюда, – Толян повел нас по самому краю котлована.

– Слушай, а где вообще все? – огляделся по сторонам Макси-Кот.

Его удивление легко было понять. В разгар буднего дня на стройплощадке, кроме нас, не оказалось ни души.

– Наверное, на другой объект перекинули, пока с могилами решают, – предположил Толян. – Видите, – продолжал он, – котлован-то почти в самое кладбище упирается.

Обогнув котлован по кромке, мы подошли к сваленной в углу стройплощадки куче.

– Вот. Смотрите, – тоном экскурсовода изрек Волобуй.

На первый взгляд куча выглядела совершенно непримеча-

тельно: земля, смешанная со строительным мусором, и только. Высокий земляной холм, из которого то тут, то там торчали какие-то доски, проволока, бумага, тряпки и разномастный строительный мусор. Не знай мы того, что поведал нам Волобуй, нипочем бы не догадались, что здесь были старинные захоронения.

– Чего застыли? Пошли поближе. – Толян чувствовал себя здесь совершенно комфортно.

Мы в нерешительности потоптались на месте.

– Ща я вам тут такую плиту покажу, – не унимался Волобуй. – Там надпись такая смешная...

– Смешная? – перебила его Жанна. – На могильной плите?

– Ну! – ничуть не смутился тот. – Сама посмотри и поймешь.

Откинув несколько досок, он потыкал указательным пальцем куда-то вниз. Мы подошли и увидели обломок плиты из бурого гранита. Надпись сохранилась на удивление хорошо. Она гласила: «И книга стала ему могилой».

– Прочитали? – посмотрел на нас Волобуй. – Во ржачка-то, а? Его что, выходит, в книжке вместо гроба похоронили?

– Заткнулся бы ты, а? – не поддержала шутку Жанна.

– Да ты чего? – выпучил глаза Толян. – Не я ведь писал. Жанна не ответила. А Макси-Кот задумчиво произнес:

– Наверное, этому покойнику книга откуда-нибудь из

шкафа на голову свалилась. То есть тогда он еще покойником не был. А в старину книжки тяжелые и толстые делали. Да еще в кожаных переплетах и порой с деревянными прокладками и медными застёжками. Вот и представьте: если такое с верхней полки высокого шкафа упадет, то человеку кранты.

Лицо у Жанны стало совсем сердитым.

– По-моему, ты, Максик, заразился от Толика.

– Да я просто размышляю, – откликнулся Кот. – Надпись-то очень странная.

– Ну, я же вам говорил, смешная, – немедленно поддержал его Волобуй.

– А может, все проще? – предположил я. – Про этого мужика написали в какой-то книге что-нибудь оскорбительное, он расстроился и помер.

– Почему бы и нет, – откликнулся Макси-Кот. – Жаль только, мы никогда не узнаем, кому адресована эта эпитафия.

– Какая еще эпитафия? – насторожился Волобуй.

– К сведению некоторых, – с выразительным видом произнесла Жанна, – то, что ты, Толя, назвал смешной надписью, другие люди называют эпитафией.

– А-а-а, – разочарованно протянул Толян. – Я-то думал, увидели чего ценное.

– Жалко, что мы никогда не узнаем, на чьей могиле была эпитафия, – продолжал Макси-Кот. – Вдруг это была ка-

кая-то известная в свое время личность?

– Почему обязательно известная? – не поняла Жанна.

– Ну, если придерживаться Федькиной версии, – указал на меня старый друг, – то о покойном написали в книжке. Значит, он скорее всего что-то собой представлял.

– Это если придерживаться Федькиной версии, – покачала головой Жанна.

– А давайте поищем верхнюю часть плиты, – предложил я. – Вдруг она где-нибудь рядом валяется. Волобуй, ты не видел?

– Такого цвета не видел, – отвечал Толян. – Другие были. Но я только с одного края тут шуровал. Нас с Витьком после рабочие шуганули. Так что можно поискать.

На сей раз даже Жанна не возразила. И впрямь ведь интересно. Мы двинулись вокруг холма, внимательно изучая то, из чего он состоял.

Пирс порой с подозрительным видом принимался, порой, видимо, испугавшись чего-то, отскакивал в сторону, чтобы в следующее мгновение снова зарыться носом в землю. Вот тут мне сделалось совсем не по себе. Вдруг он сейчас откуда-нибудь выудит какую-нибудь кость? Понимаете, человеческую кость. До сих пор-то мы здесь ничего такого не видели. А Пирс пороется и найдет. И что нам тогда с этим делать?

По-моему, Жанна подумала о том же. Потому что, резко намотав на руку поводок, прикрикнула:

– Пирс, фу!

Пес повернулся к ней и, внезапно подняв вверх морду, тоскливо заскулил. Меня прямо мороз пробрал по коже. Да и остальным поведение Пирса явно не понравилось. Даже Волобуй каким-то не своим голосом осведомился:

– Чего это, Жанка, твой волкодав тоску нагоняет?

– Место такое, – сухо бросила она в ответ.

А Макси-Кот, уже немного пришедший в себя, заунывно изрек:

– Над большой могильной кучей ветер тучи собирает, между кучей и тучей громко Пирсик завывает от тошноты безысходной...

– Ну, Максик, остроты у тебя сегодня, – поморщилась Жанна.

Волобуй придерживался противоположного мнения. На его физиономии отразился восторг, и он спросил:

– А чего, Макс, это такой стих есть или ты его прямо сейчас придумал?

– Да как тебе сказать, – замялся Кот. – Частично есть, а частично придумал.

– Не понял, – выпучил глаза Волобуй.

– Импровизация на тему «Буревестника» Горького, – пояснил я. – Макси-Кот просто обожает корезить известные стихотворения.

– А-а-а, – протянул Волобуй.

Мне стало ясно, что он ничего не понял. Ни про «Буре-

вестника», ни про импровизацию. Еще немного помолчав, Толян осторожно поинтересовался:

– А чего, в этом самом горьком буревестнике тоже про кладбище говорится?

Мы грохнули. Толян смотрел на нас в крайней степени недоумения.

– Чего ржете?

– Да так, – сквозь смех проговорил Макси-Кот. – Вы разве это в школе не проходили?

– Не, – уверенно отвечал Толян. – Правда, нет? – обратился он за поддержкой к нам с Жанной.

– Правда, – кивнула Жанна. – В этой школе не проходили. Я в прошлом году в своей старой «Буревестника» прошла.

– Мы с Котом тоже, – подтвердил я.

– Во-о! – расплылось в радостной улыбке лицо Волобуя. – А у нас это... видать, другая программа. Они, говорят, теперь во всех школах разные. Так чего, Макс, там, в горьком буревестнике, про кладбище или не про кладбище?

– У Горького не про кладбище, а про море и птицу, – вкратце просветил Волобуя Макс.

– А-а-а, – снова протянул Толян. По-моему, он так ничего и не понял.

Мы двинулись дальше, тщательно изучая каждый сантиметр склона холма.

– Ка-р-р-р!

Прямо из-под моих ног взметнулось что-то огромное, чер-

ное. От неожиданности я шарахнулся, потерял равновесие и, сметая все на своем пути, покатился вниз по склону. Под словом «все» я в данном случае подразумеваю Жанну и Пирса. Стоило нам докатиться донизу, как оба высказали мне свои мысли и чувства по этому поводу. Волобуй же, стоя на вершине холма, тыкал пальцем в голубое небо и с хохотом орал:

– Горький буревестник! Горький буревестник!

Подлюга Макси-Кот тоже смеялся, а проклятая ворона, продолжая кружить над нами, громко ругалась на своем вороньем языке. И впрямь «горький буревестник».

Пирс поднялся с земли без моей помощи. Я протянул руку Жанне, но она тоже встала самостоятельно. И, сердито на меня глядя, бросила:

– По твоей милости, Феденька, я тут обо что-то укололась.

– Сильно? – встревожился я. – Кровь есть?

– Нету. – Девочка посмотрела на ладонь и принялась ворошить ногой мусор. – Смотри! – воскликнула вдруг она. – Вот.

Нагнувшись, она выдернула из земли какой-то предмет.

– Ребята! – позвала она. – Глядите, что я нашла!

– Вторую половину плиты? – уже неся к нам Макс.

– Нет, – покачала головой Жанна. – Веночек!

– Какой еще веночек? – Волобуй и Макси-Кот уже подбежали к нам.

Жанна бережно держала в руке небольшой кованый ве-

нок.

– Красивый какой, – не отрывала она взгляда от находки. Она с силой потерла пальцем один из кованых листиков. Он заблестел.

– Золото, – охнул Волобуй. – Во, блин, везет же некоторым. А у меня только два зуба.

– Дурак ты, Толик, – разглядывая листок, откликнулась Жанна. – Это совсем не золото.

– Скорей всего, бронза, – подхватил Макси-Кот.

– А почему вы знаете? – спросил Волобуй.

– А потому, что этот венок явно был частью памятника, – Жанна уже как следует разглядела находку. – Вот тут и тут, – показала она нам, – бронза скелета. По-видимому, венок был приделан к могильной плите. Или к статуе на могиле.

– Скорее всего, – поддержал ее Макси-Кот.

Я присмотрелся к венку. Выглядел он очень странно: листья попеременно с длинными колючками. Ребята тоже внимательно изучали Жаннин трофей. Первым нарушил молчание Макси-Кот:

– Ребята, а ведь это терновый венец.

– Че-его? – протянул Волобуй.

– Шипы видишь? – осторожно коснулся пальцем одной из колючек Макс. – Это, так сказать, тернии.

– А на фига они? – вытаращился на него Толян.

– Чтобы тому, на кого такой венок надевают, было больно, – продолжал терпеливо втолковывать ему Кот.

– Это чего, вроде пытки такой? – начало доходить до Толяна. – Как, например, сейчас утюгом по спине?

– Вроде, Толик, вроде, – похлопал его по плечу Макси-Кот.

– Садюги, – смачно сплюнул в сторону Волобуй.

– Что же нам теперь с этим делать? – Жанна смотрела на собственную находку как-то растерянно. – Если мы его тут оставим, такие, как он, – она ткнула пальцем в сторону Толяна, – сопрут.

– Факт, сопрут, – подтвердил Волобуй. – Если даже это не золото, – кажется, у него до сих пор оставались надежды, – то и бронза сойдет. Можно сдать в приемный пункт. Что-нибудь заплатят.

– Ну уж нет! – решительно заявила Жанна.

– Слушай! – обратился к ней Макс. – Возьми пока этот венок к себе домой. Уверен, что их всех, – указал он на холм, – скоро перезахоронят. И наверняка на этом же кладбище. Вот тогда венок и вернешь.

– Кому вернет? – спросил Толян. – Владелец-то помер.

– Так ведь ему не при жизни памятник поставили, – сказала Жанна.

– Тем более, оставь его себе навсегда, – от души посоветовал практичный Толян.

– Мародер! – презрительно бросила ему Жанна.

Над нашими головами вновь раздалось свирепое карканье, и на нас резко спикировала та же самая ворона. Мы даже

еще сообразить ничего не успели, как Пирс, свечой взвившись в воздух, попытался ухватить наглую птицу за крыло. Это ему почти удалось. Во всяком случае, в пасти пса осталось длинное черное перо, а ворона, возмущенно вопя, стала резко набирать высоту. Ну, прямо не птица, а какой-то бомбардировщик.

Пирс, выплюнув перо, зашелся злобным лаем.

– Ни фиги себе, буревестник! – взревел от восторга Толян.

– Черной молнии подобный, – тихо процитировал Макс.

– Это она на блестящее запала, – объяснил Волобуй.

– Да чего там блестящего? – возразил я.

– Все равно, – стоял на своем Толян. – Жанка, прячь эту штуку скорей. А то вон, гляди, этот буревестник опять на нас целится.

Ворона, громко каркая, продолжала упорно кружить над нашими головами. Пирс теперь не лаял, а сварливо поскуливал. По-моему, он пел собачий вариант песни «Чому я нэ сокил, чому нэ летаю». Думаю, если бы он взлетел, вороне пришлось бы плохо.

– Прекрати! – дернула его за поводок Жанна и, поглядев на нас, спросила: – Ребята, ну куда же мне это спрятать?

– Ща пакет дам. – Толян начал рыться в кармане куртки. – На, Жанка, держи. Я ведь сюда клад шел искать, а потом вас встретил.

Клад кладом, но запасливость Волобуя сослужила нам добрую службу. Едва мы убрали терновый венец в пакет, как

ворона-буревестник, каркнув, да к тому же еще и капнув почти на нас, убралась восвояси.

– Хорошо, не попала, – Толян внимательно посмотрел на белое пятно возле самого ботинка. – Но, как говорится, все хорошо, что вовремя улетает.

И, не дожидаясь нашей реакции, он радостно заржал собственной шутке.

– Ребята, а, может, пошли отсюда? – тихо произнесла Жанна.

– Ну да! – возмутился Толян. – Ты себе штуку нашла, может, вообще золотую. А мы? С пустыми руками уйдем? И каменюгу вы эту хотели искать.

– Какую каменюгу? – спросила Жанна.

– Ну, ты, мать, даешь! – заорал Толян. – Да от того самого мужика, которого книжкой пристукнули.

– Ах да! – спохватилась Жанна. – Но, может, этот кусок надгробия вообще единственный сохранился.

– Давайте все-таки поищем, – Макси-Кот в данном случае был солидарен с Толяном. – Мы же еще не весь холм обошли.

– Тогда ищите, а я посижу, – и Жанна устало опустилась на деревянный ящик.

– Гав! – сказал Пирс и, натянув поводок, вопросительно уставился на нас.

– Сиди! – велела хозяйка.

Пес, вздохнув, подошел к ней и вспрыгнул на колени.

– Жанна, мы сейчас. Быстренько, – уже на ходу бросил я.

– Быстренько? – переспросил Толян и, радостно заржав, наградил нас одной из своих дурацких прибауток: – Как говорится, спешить – здоровью вредить. Так что скоро не жди.

И, оставив Жанну, мы продолжили свои археологические раскопки. И надо заметить, небезуспешно. Первому повезло мне. Я совершенно случайно выковырял из земли огромный медный пятак. До сих пор не понимаю, как мне удалось его обнаружить. Просто нагнулся, копнул щепкой землю, гляжу – лежит, родименький. Огромный, грязный, позеленевший от старости и сырости.

Слова «пять копеек» виднелись достаточно четко. А вот какого года – пойди разбери. Цифры стерлись от времени. И один бок монеты – тоже. Ну, прямо будто стесали напильником. Но Макси-Кот посмотрел и говорит:

– Начало девятнадцатого века. Эту монету мог еще Пушкин в руках держать.

– Ну, ты загнул, – явно не верил Толян.

– Точно вам говорю, – без тени сомнения произнес Макс.

– Пу-ушкин, – протянул Волобуй. – Да это ж тогда кучу бабок, наверное, стоит.

Видно было, что он подыхает от зависти.

– А она не золотая? – Ему хотелось все выяснить о моей находке.

– Нет, – поспешил я успокоить его.

– Тогда, может, махнемся? – каким-то вкрадчивым голосом произнес Толян и вновь извлек на свет две золотые ко-

ронки.

– Зачем? – Мне совсем не хотелось меняться.

– Ну, твою монету Пушкин держал, а мои коронки зато золотые, – принялся уговаривать меня Волобуй. – А потом, откуда ты знаешь? Если тут были такие хорошие старинные монеты, может, эти коронки тоже какой-нибудь друг Пушкина на зубах носил.

– Если в то время существовали такие коронки, – украдкой от Волобуя подмигнул мне Макси-Кот.

– Не нужны мне твои коронки, – решительно отверг я сделку.

Волобуй мигом скис. По-моему, он уже мысленно подсчитал барыши, которые сможет извлечь из моей старинной монеты.

– Тогда хоть покажи, Фома, где нашел? – потребовал он у меня.

Эту просьбу я охотно исполнил. Толян, схватив кусок листового железа, начал ожесточенно копать. Его самодельная лопата почти сразу же обо что-то заскрежетала.

– Ребята, клад, – сипло произнес он.

Глава II

НАЗОЙЛИВОЕ ВОРОНЬЕ

Мы вместе с Макси-Котом ринулись помогать Волобую. Однако под слоем земли оказался совсем не сундук с драгоценностями, а... еще один обломок надгробия из бурого гранита. Макси-Кот ладонью стер грязь с камня и прочитал:

– ...агинский.

– Агинский! – радостно возопил Толян. – Тот самый, который полонез написал! Я ж говорю: тут солидные люди лежат.

Мы с Котом обалдели. Откуда этому «дитю джунглей» известно про полонез Огиньского? Мы, конечно, спросили, а он ответил:

– У Витька младшая сестра в музыкальной школе учится. И этот самый полонез долбит уже второй год. У нее плохо получается.

Такое объяснение нас с Максом несколько успокоило. А то мы уж не знали, что и подумать.

– Мо-ло-дец, – с расстановкой произнес Кот. – Только вынужден тебя, Волобуй, разочаровать. Тот Огиньский пишется через «о» и к тому же с большой буквы. А этот через «а» и с маленькой. Скорей всего, это окончание какой-то фамилии. А начало осталось на третьем обломке камня. Как,

впрочем, – Макс снова принялся стирать ладонью грязь с камня, – и год рождения. Мы тут имеем лишь окончание года смерти. Видите? Ноль-ноль.

– Это чего же, ребята, клиент в двухтысячном помер? – с сомнением произнес Волобуй.

– Скорей, в тысяча девятисотом, – возразил Макс. – Здесь уж, наверное, лет шестьдесят не хоронят. И надпись явно несовременная.

– Дела-а, – протянул Волобуй. – Вообще-то лучше б мы с вами клад нашли, чем этот «ноль-ноль», да к тому же прихлопнутый книгой.

– Эй, – донесся до нас голос Жанны, – долго вы там еще?

– Идем! – хором ответили мы с Максом.

А Волобуй замахал руками:

– Да вы чего? Нам же совсем маленький кусочек обследовать осталось.

Кажется, он еще не утратил надежды найти что-то по-настоящему ценное. «А собственно, почему бы и нет? – пронеслось у меня в голове. – Вдруг третий фрагмент камня обнаружим?» Не знаю, зачем мне, собственно, это было нужно, но найти хотелось. Интересно ведь все-таки узнать имя и фамилию человека, для которого книга стала могилой.

Короче, крикнув Жанне, что подойдем к ней через пять минут, мы продолжили исследовать склон холма. В своей жажде поживиться Толян дошел до самого края котлована.

– Куда, дурак, лезешь? – предостерег его Макси-Кот. –

Там ведь опасно.

– Не каркай, – принялся карабкаться еще выше Толян. – Зато сюда еще никто не лазал.

Тут и раздалось свирепое карканье. Только не наше с Макси-Котом, а «горького буревестника». Не берусь, правда, утверждать на все сто, что того же самого, с которым сражался Пирс, но столь же агрессивного. Что «горькому буревестнику» не понравилось в поведении Волобуя, остается только гадать. Видимо, он ступил на территорию, которую ворона считала своей. Исполненная возмущения, она клюнула его в забинтованное темечко.

Помочь Толяну мы с Котом не успели. Он дико заорал и, потеряв равновесие, зашатался. Вместе с ним зашатался весь склон холма и начал медленно сползать в котлован. Волобуй уже не орал, хотя рот у него был широко раскрыт, словно в немом крике. Размахивая во все стороны руками, он еще каким-то чудом умудрялся сохранять равновесие. Потом закон всемирного тяготения взял свое, и Волобуй с лавиной земли, камней и мусора низринулся на дно котлована.

Все это происходило точно в замедленной киносъемке. А мы с Котом от ужаса даже не в силах были шелохнуться. Лишь когда Волобуй окончательно исчез из поля зрения, мы, обретя наконец дар речи, закричали:

– Толя! Толя, где ты?

Но вместо Толи ответом нам стали залиvistый лай Пирса и тревожный вопрос Жанны:

– Мальчики, что случилось?

– Толян свалился, – объяснил я.

– Ложись?! – в это время скомандовал Макс.

– Зачем? – не дошло до меня.

– Чтобы не последовать за Толяном, – коротко пояснил Макси-Кот.

Мы по-пластунски доползли до края котлована и осторожно глянули вниз. Глубоко. Метров пять, не меньше. А, может, даже и больше. На дне из кучи земли торчала забинтованная голова Толяна.

– Толян, ты живой? – боясь не услышать ответа, проорал я вниз.

Какое-то время на дне котлована ничто не двигалось и не отвечало. Наконец рядом с забинтованной головой возникла рука. «Значит, пока жив, идиот», – с большим облегчением отметил я про себя. Как бы в подтверждение моей догадки снизу жалобно донеслось:

– Ребята, меня засыпало.

– Это мы и без тебя видим! – проорал ему Макси-Кот.

Громкий его окрик вызвал новый небольшой катаклизм, и еще часть холма сползла вниз. Причем один из камней едва не огрел Волобуя по башке.

– Больше не ори, – строго предупредил я. – Иначе Волобуя совсем засыплет.

– Больше не буду, – смиренно прошептал Макси-Кот.

– Ну, полезем откапывать? – посмотрел я на Макса.

– Чокнулся? – отвечал он. – Конечно, мы должны быть ответственны за тех, кого приручили, но и голову терять при этом не следует. Хочешь, чтобы нас вместе с ним засыпало? Нет, без страховки нельзя.

Ложиться в братскую могилу с Волобуем мне тоже не улыбалось, однако я не понимал, откуда и какую нам здесь взять страховку.

– Ребята! – снова заорал Волобуй, и еще часть холма следела вниз. К счастью, снова без пагубных для Толяна последствий.

– Слушай, – прошептал я Макс, – надо скорее его извлечь оттуда. Вопить, чтобы он там не орал, мы не можем. А если он продолжит в том же духе, его точно с башкой накроет.

– Тогда пошли искать веревку, – осторожно отполз от края Макси-Кот.

Я последовал его примеру. Толян, слава богу, пока больше не орал. То ли понял, что мы идем ему на помощь, то ли просек, что вопить опасно, то ли у него просто силы иссякли.

– Ребята! Ребята! – раздалось позади.

Мы встали на ноги и повернулись. К нам бежали Жанна и Пирс.

– Волобуй там жив? – с тревогой спросила она.

– Да, – кивнул я.

– Но его надо скорее вытаскивать, пока совсем не засыпало, – скороговоркой добавил Макс. – Ищем веревку, и как можно длинней.

Однако никакой веревки поблизости не обнаружилось.

– Что же делать? – Кот растерянно огляделся по сторонам.

– Пошли искать кого-нибудь из рабочих, – я видел единственный выход из положения. – Там, за церковью, стоят их вагончики. Хотя один человек должен быть на месте.

Кот и Жанна послушно двинулись следом за мной. В одном из вагончиков мы и впрямь обнаружили троих очень сонных мужиков. Однако стоило нам сообщить, что на дне котлована засыпало парня и того гляди завалит совсем, как сонливость с мужиков мигом слетела, и они, громко выражая нелицеприятные мнения по поводу «сопляков, которые вечно лезут куда не надо», кинулись к котловану.

Правда, двое из них по дороге куда-то свернули, а потом появились, волоча длинную деревянную лестницу. Ее с большими предосторожностями спустили в котлован. Третий мужик все это время стоял вместе с нами, глазел на Толяна и не уставал удивляться, что тот еще жив. Волобуй, увидев нас с подкреплением, не удержался от радости, закричал, и в результате его еще немного присыпало. А стоящий рядом с нами рабочий снова по этому поводу выразительно высказался.

Затем все трое, вооружившись лопатами, спустились на дно котлована, не забыв нас предупредить:

– Если, ребята, нас вдруг вместе с вашим этим чудаком накроет, сразу звоните в Службу спасения.

Мы, конечно, пообещали, что так и сделаем. Но, к счастью, Служба спасения нам не понадобилась. Мужики оказа-

лись мастерами своего дела. Соорудив из досок нечто вроде плотины, они быстренько откопали Волобуя. Самое удивительное, что он совершенно не пострадал. Едва его выкопали, он самостоятельно вскарабкался по лестнице к нам. Живой, но очень грязный.

– Привет, – радостно улыбнулся он. – А вот и я!

Тут из котлована вылезли мужики. Они были настроены не столь радужно. Как мы могли понять из их слов, с одной стороны, им, конечно, приятно, что никто не погиб и не придется отвечать. Но с другой... В общем, они долго и доходчиво объясняли Волобуя, а заодно и нам, что сделают, если кого-то из нас обнаружат на стройплощадке. А особенно если этот несчастный окажется вблизи котлована.

Внимательно выслушав их, Волобуй скромно и жалобно пробормотал:

– Дяденьки, я больше не буду.

«Дяденьки» с нами еще для порядка немного поговорили, а затем вытолкали за ворота. Уже за пределами стройплощадки Толян со вздохом произнес:

– Такое место накрылось.

– Молчал бы уж, – шикнула на него Жанна. – Мало тебе досталось.

– Мало, – на полном серьезе подтвердило «дитя джунглей». – Всего два зуба да брошка. Я лично рассчитывал на большее.

– Горбатого могила исправит, – устало выдохнула Жанна.

Учитывая все обстоятельства, слова ее, на мой взгляд, прозвучали весьма двусмысленно. Однако я ничего не сказал. Жанна и так уже была на пределе. Да она и сама всегда честно признавалась, что от долгого общения с Волобуем звереет.

Волобуй тем временем, внимательно оглядев себя, подавленно изрек:

– Ну, уделался. По-моему, мне надо домой. И ногу чего-то больно.

– А голову не больно? – улыбнулась уголком тонких губ Жанна.

– Голову нет, – решительно заявил Толян. – А ступить на эту ногу отчего-то больно.

– Проверить бы надо, – в прежнем тоне продолжила Жанна. – А то, может, у тебя перелом? Тогда в одну палату с Витьком попросишься.

– Перелом в каникулы? – взвыл Волобуй. – Да вы что, ребята? Вот когда четверть начнется, пожалуйста. Хоть два перелома. А пока у меня просто вывих. Или там, это... растяжение.

Жанна выразительно покосилась на нас.

– Слушай, тебя проводить или сам до дома дойдешь? – обратился я к «дитю джунглей».

Тот попробовал ступить на ушибленную ногу и скривился от боли.

– По-моему, лучше проводить, – сказал он.

– Тогда пошли.

Стараясь не запачкаться, мы с Котом взяли Толяна под обе руки и поволокли к жилому массиву, где стоял его дом. Жанна с Пирсом замыкали шествие. Картина была еще та. Идти пришлось неспешно. Быстро передвигаться Волобуй не мог. Зато по дороге снова принялся сетовать, что упущена такая блестящая возможность.

– По-моему, Толян, все ваши с Витьком блестящие начинания обычно плохо кончаются, – сказал я.

– Ни фиги! – возмутился Волобуй. – Иногда мы с ним очень успешно бизнес проворачиваем. Проколы, конечно, тоже случаются. Кто не рискует, тот не пьет шампанское. Вот ногу до завтра подлечу, и снова в бой. Вместе, ребята, пойдем.

– Ты же злым дяденькам обещал не ходить, – напомнила Жанна.

Волобуй от возмущения даже остановился. И, посмотрев на нее, заявил:

– Если бы я делал все, что обещаю, то, наверное, уже помер бы с тоски.

– Хорошая мысль, Толян, – поспешил пресечь дальнейшие споры Макси-Кот. – Двигаем дальше.

– Ага! – заорал Волобуй. – Осторожно, двери закрываются!

– Многовато, по-моему, ты сегодня, Толя, смеешься, – заметила Жанна. – Как бы плакать потом не пришлось.

Толян немедленно наградил ее очередным перлом:

– Как говорится, кто хорошо смеется, тот плачет последним.

– Не знаю, не знаю, – мрачно проговорила Жанна. Кажется, запас ее терпения и впрямь уже иссякал.

– Чего ты не знаешь? – переспросил Волобуй.

– Ничего, – отрезала Жанна. – Но вся эта история мне почему-то очень не нравится.

Толян не нашелся, что на это ответить. А мы с Котом заставили его прибавить шаг. Кстати, волоочь его на себе было совсем не легко. И если Жанна устала морально, то мы – физически.

Однако все испытания в этой жизни когда-нибудь да кончаются. Вскоре мы расстались с Волобуем у дверей его квартиры.

– Ты, Федька, все-таки до завтра подумай, – сказал на прощание он. – Может, все же махнем монету на зубы?

И, не дожидаясь моего ответа, он захлопнул дверь.

– Вот это нервная система! – от души восхитился Макси-Кот. – Человека чуть живьем не засыпало, а ему хоть бы хны.

– В джунглях, Максик, свои законы, – входя в лифт, отзывалась Жанна.

Когда мы вновь очутились на залитой ярким солнечным светом улице, Жанна и Пирс критически оглядели нас с Максом. При этом Пирс ничего не сказал, а хозяйка его заявила:

– Ну-ка, мальчики, живо стряхните с себя пыль Волобуя! Иначе я с вами дальше не пойду.

Только тут мы обнаружили, что порядком испачкались о Толяна. Впрочем, отряхивание мало изменило наш вид к лучшему. Ведь справедливости ради стоит заметить: измазались мы, не только пока волокли под руки Волобуя. Ведь, когда Толян заорал про клад, мы с Котом опустились на колени, а глина вокруг была сырая.

– Слушай, Жанна, может, нам лучше в темпе дойти до дома, а там уж одежду как следует щеточкой обработать? – вкрадчиво предложил Макси-Кот. – Чего здесь наспех чиститься.

– Если уж до дома, – ухмыльнулась Жанна, – то вам просто нужно переодеться, а вот это все, – окинула она брезгливым взглядом наши куртки и брюки, – срочно отдать в химчистку.

– Ну ты экстремалка, – покачал головой Макси-Кот.

– Я, Максик, реалистка, – возразила Жанна.

Мы поспешили к нашему дому. Во дворе по случаю солнечного теплого дня гуляло множество бабушек с маленькими детьми. Как раз, когда мы проходили мимо них, одна из бабушек с громкими причитаниями вытаскивала внука из лужи. Внук бурно сопротивлялся. Потом, заметив нас, басом завыл:

– Почему нельзя грязным? Вон дяденьки посмотри какие! Им можно, а мне нельзя?

Не дожидаясь объяснений бабушки, мы завернули за угол дома.

– Эх, – ехидно усмехнулась Жанна. – Какой пример молодежи подаете!

– Ужасный! – радостным хором ответили мы.

Уже в лифте Жанна сказала:

– Ко мне не пойдем.

– Ясное дело, – кивнул я.

Квартира у Тарасевичей однокомнатная. Раз Юлия Павловна не только дома, но и больна, нам делать там нечего. Естественно, мы пошли ко мне. Все, включая Пирса. Жанна сочла за лучшее домой его пока не вести. Во-первых, чтобы он не тревожил понапрасну мать, а во-вторых, чтобы она считала, будто мы пока где-то гуляем. Потому что, если Юлия Павловна увидит, что Жанна свободна, то, вполне возможно, загрузит ее какими-нибудь поручениями по хозяйству, а у нас были на ближайшее время совсем другие планы. Мы ведь сегодня еще толком без Волобуя не пообщались. Кроме того, Жанне очень хотелось отмыть и почистить венок.

Я запер за нами дверь, и она тут же потребовала:

– Федор, гони мне старую зубную щетку, зубную пасту и мыло. Пока вы будете переодеваться, я этим займусь.

И она потрясла пластиковым пакетом, в котором лежал венок.

– Слушай, а может, потом? – подвигал кончиком острого

носа Макси-Кот. – Как-то есть очень хочется. Давайте сперва пожужим.

Но Жанна была неумолима. Бросив нам: «Не маленькие, потерпите», – она скрылась в ванной и заперлась там на задвижку.

Мы с Котом быстренько почистились и поспешили на кухню.

– Жанна пускай как хочет, а я лично есть хочу. – И мой старый друг с решительным видом потянул на себя дверь холодильника.

У меня никаких возражений против его действий не было. Даже наоборот. Мне тоже отчаянно хотелось жрать. И пить, кстати, тоже. У меня аж песок на зубах хрустел.

Макси-Кот, отхватив зубами огромный кусок хлеба с колбасой, прошамкал:

– А Жанка пусть после присоединяется.

– Вольному – воля, – тоже с набитым ртом отозвался я.

– Ай! – раздался вдруг крик из ванной.

Дверь распахнулась.

– Что такое? – толкаясь, кинулись мы к девочке.

– Он укусил меня, – она испуганно смотрела на собственный палец.

– Кто? – округлились глаза у Макса. – Пирс?

– Дурак, – вмешался я. – Пирс вместе с нами жрал. Как он мог Жанну укусить?

– Нет, мальчишки, это не Пирс! Меня укусил веноч! – вос-

кликнула она.

– А температуры у тебя случайно нету? – скорбно покачал головой Макси-Кот. – Может, от мамы заразилась?

– К чему это ты? – пожала плечами Жанна.

– Да, говорят, при температуре выше сорока иногда даже стулья начинают кусаться, – хмыкнул Кот.

– Я не шучу, – мрачно произнесла Жанна. – Разве не видишь? У меня кровь идет.

– А чего удивительного, – сказал Макс. – На этом венке полно шипов. Надо было поаккуратней.

– Сама догадалась, – свела брови к переносице Жанна. – Но говорю же вам: я не укололась. Венок меня как будто укусил.

– Укуси-ил, укуси-ил, – таким тоном проговорил мой друг, словно обращался к малому ребенку. – Ну, неприятно, конечно, больно. Лучше скорее йодом ранку прижги. А то эта штука столько времени в земле провалялась, да еще на бывшем кладбище.

– Ща принесу, – кинулся я на кухню, где у нас висела аптечка.

Жанна занялась собственным пальцем, а я глянул в раковину. Там лежал венок.

– Ого! – вырвалось у меня.

Его было просто не узнать. Хорошо, мы успели расстаться с Волобуем. Толян бы просто с ума сошел. Венок сиял, как чистое золото.

– Ну, Жанка, ты даешь! – уже разглядывал веноч Макси-Кот.

– Правда, красиво? – смазывая йодом ранку, спросила она.

Макси-Кот, вытащив веноч из раковины, продолжал любоваться.

Я тоже уставился на веноч и почти тут же заметил: на одном из сияющих лепестков алела капелька крови. Правда, видел я это всего лишь мгновение, потому что капелька вдруг исчезла. Золотистый листок, будто вобрав ее в себя, казалось, засиял еще ярче. Я крепко зажмурил глаза, затем снова взглянул на веноч. От капельки крови не осталось даже следа.

– Ребята, вы видели? – спросил я.

– Что именно? – повернулся ко мне Макси-Кот. – Если ты про веноч, то я до сих пор его вижу. А ты разве нет?

– Да нет, – отмахнулся я. – Я про кровь говорю.

– Какую кровь? – обомлел Макс. – Теперь у тебя, что ли, глюки?

– Это Федька мой палец имеет в виду, – вмешалась Жанна, – но теперь крови уже не видно.

И она продемонстрировала мне желтую от йода подушечку пальца.

– В данном случае речь шла не о твоем пальце, – возразил я. – Капелька крови была вот на этом лепестке. Причем очень яркая и отчетливая. Понимаете, была и исчезла.

– Скатилась, наверное, – будничным тоном изрек Макси-Кот. – Проще пареной репы, Фома. Жанка укололась, на лепестке осталась капелька, а, когда я взял венок, она скатилась.

– Может, ты и прав, – меня не слишком убедили его слова. – Но чтобы так исчезнуть, совсем без следа...

– Элементарно, – настаивал на своем Макси-Кот. – Если бы венок был сухим, пятно бы, конечно, осталось. Но Жанна ведь его не вытерла. Вот капля вместе с водой и скатилась.

– Может, ты и прав, – повторил я.

– И вообще, Фома, лучше вот на что обрати внимание, – снова заговорил Макси-Кот. – Видите? Тут на лепестках какие-то буквы. Ой! – И Макс, скривившись от боли, засунул в рот палец. Увлечшись, он тоже укололся о шип.

– Знаете что, – сказала Жанна. – Давайте-ка мы эту штуку сперва положим на стол, а там уж как следует и рассмотрим. Иначе он всех нас сейчас перекусает.

– Да, – Макс уже мазал йодом палец. – Какой-то этот венок злой. Пошли на кухню. Так сказать, совместим приятное с полезным. И буквы рассмотрим и все-таки наконец поедим.

– О господи, – закатила глаза Жанна. – Можно подумать, что вы помрете, если сейчас же не поедите.

– Может, и помрем. – Макс решительно двинулся на кухню, неся венок.

Там он, едва положив свою ношу на стол, впился зубами в недоеденный бутерброд. Впрочем, я повел себя не лучше,

то есть точно так же. Жанна, увидев, как мы уплетаем, вмиг со словами: «Дурной пример заразителен», – потянулась к хлебу и колбасе. Макси-Кот подмигнул мне и хмыкнул.

Съев еще два бутерброда, мы вплотную занялись исследованием венка. На лепестках и впрямь были выгравированы тонкие буквы. Шрифт странный, угловатый. Некоторые буквы мы разбирали лишь с большим трудом.

– Откуда они начинаются-то? – наконец задумчиво произнес Макси-Кот.

– Чего проще, – откликнулась Жанна. – Будем считать каждую букву по очереди, пока не сложится что-нибудь осмысленное.

Так мы и поступили. Нашу задачу несколько облегчила старая дореволюционная орфография. Как мудро заметил мой друг Макси-Кот, с твердых знаков ни одно слово не начиналось даже тогда. В общем, промучившись еще минут десять, мы наконец прочли: «Венець страданьямъ твоимъ».

– Час от часу не легче, – покачал головой Макс. – Одному книга стала могилой, у другого могила, – легонько, чтобы снова не уколоться, коснулся он пальцем венка, – венец страданьям.

– Мрачное какое-то кладбище, – полностью поддержал я друга.

– Ну вы, братцы, оригиналы, – сказала Жанна. – Можно подумать, другие кладбища – это такие веселенькие места.

– Ты что, не понимаешь, – строго взглянул на нее Кот.

– Извини, Максик, не понимаю, – покачала головой Жанна. – Наверное, слишком тупая. Знаешь, мне как-то грустные надписи на таких венках или могильных камнях не кажутся странными.

– Но они ведь не просто грустные, а... – и, подыскивая слова, я умолк.

– Они с каким-то скрытым смыслом, – на лету словил мою мысль Макс.

– Все эпитафии со скрытым смыслом, – возразила Жанна. – Для того и пишутся.

– Может быть, – с загадочным видом кивнул Макси-Кот. – Но зачем даже скрытый смысл писать такими маленькими буквами?

– Ну, уж не знаю, – в голосе Жанны послышалось раздражение. – Может, он так завещал.

– Почему он? – одновременно выпалили мы с Максом. А я добавил:

– Почему ты не допускаешь, что «венец страданиям» был у нее?

В ярко-зеленых Жанниных глазах мелькнули сердитые искорки. Она очень не любит, когда ее загоняют в угол.

– Ну хорошо, ее, его... Какая вам разница? Этот человек давно умер. Судя по орфографии, почти сто лет назад. А может, даже и двести. И главное, мы о нем никогда ничего не узнаем. Вам что, мальчишки, лавры Волобуя не дают покоя? Хотите расшифровать надпись и клад найти? Вот это пра-

вильно, — с язвительным смешком продолжала она. — Давайте проведем все каникулы на кладбище.

— Странный ты человек, — откликнулся Макси-Кот. — Венок, между прочим, кто нашел?

В кухне на какое-то время воцарилась напряженная тишина. Наконец Жанна неохотно признала:

— Ну, предположим, я.

— И предположим, едва мы вошли к Федьке в квартиру, ты кинулась отмывать его и начищать, — добавил Кот.

— Кого, Федьку? — явно уже пыталась отшутиться Жанна.

— Нет. Венок, — неумолимо продолжал Макс. — Даже поесть нам не дала. И вот когда мы всерьез заинтересовались твоей находкой...

— После того, как поели, — не преминула уточнить Жанна.

— Естественно, — спокойно отреагировал на выпад Макс. — Такие вещи всегда надо делать в здравом уме и твердой памяти.

— А без еды, значит, у вас с Федором ни ума, ни памяти, — губы у Жанны растянулись в улыбке.

— Слушайте, госпожа д'Арк! — воскликнул Макси-Кот. — Спешу напомнить, что мы с Фомой не англичане, а Франция не в опасности. Так чего ты с нами сражаешься?

— Потому что вы дураки! — Жанне самой уже стало смешно.

— Раз так, вернемся к нашим баранам, а вернее, к венкам. — И Макси-Кот вновь посмотрел на странную надпись.

Об оконное стекло что-то с силой ударилось. От неожиданности мы подскочили. Живем-то мы не на первом, а на десятом этаже, и случайный прохожий в окошко не постучит. Тем более что у нас за окном балкон. Сперва мы вообще ничего не сообразили. В стекло билось что-то огромное, черное. Мы просто впали в столбняк от ужаса.

– Ребята, «горький буревестник», – первым пришел в себя Макси-Кот.

– Это за венком! – крикнула Жанна и, схватив с крючка кухонное полотенце, накрыла его.

– Кар-р, – раздалось за окном.

Ворона исчезла. Макс, сорвавшись с места, резко повернул ручку балконной двери и дернул ее на себя.

– Куда? Спятил? В дом ведь влетит, – попытался остановить его я.

Но Кот уже вылетел на балкон.

– Успокойтесь, она испарилась! – прокричал он оттуда. – Ну прямо нигде нет.

Я добежал до Макса и начал теснить его обратно в квартиру.

– Пошли, пошли. А то вдруг она где-нибудь затаилась и сейчас опять прилетит.

– Мальчики, прошу вас, уйдите оттуда! – взмолилась Жанна.

Макс сдался. Я наконец запер балконную дверь и после этого перевел дух. Только сейчас я ощутил, как колотится

сердце. И коленки почему-то подрагивали. Я посмотрел на остальных. Кот и Жанна тоже были бледны.

– Интересно, это та же самая? – опускаясь на табуретку, спросила Жанна.

– Которую из них ты имеешь в виду? – повернулся к ней я.

– А ты думаешь, там, на кладбище, их было две? – внимательно посмотрел на меня Макси-Кот.

– Я тебе что, орнитолог? – откликнулся я. – Знаешь, пока по выражениям лиц ворон различать еще не научился. Может, их было три, а может, одна и та же.

– Жуть какая-то, – зябко поежилась Жанна. – Знаете, мне казалось, еще немного, и она стекло пробьет.

– Всем казалось, – честно признался Макси-Кот. – Просто какой-то фильм ужасов. «Птицы» Хичкока.

– Вот-вот, – кивнула Жанна. И, снова поежившись, добавила: – Как она билась! Ну, понимаю еще, она бы сперва случайно в открытое окно залетела, а потом начала биться в стекла, чтобы на улицу вылететь. Но она билась, чтобы влететь. Вам это не кажется противоестественным?

– Кажется, – кивнул Макс. – У меня пока есть только одно нормальное объяснение. Что эта ворона – kleптоманка. Она пролетала мимо, увидела, как блестит венок. Ну а дальше, как в басне Крылова. «От радости в зобу дыханье сперло». В общем, наш «горький буревестник», не разобравшись, что между ним и венком стекло, ринулся на добычу.

– Во всяком случае, стоило мне накинуть на венок поло-

тенце, ворона немедленно смылась, – напомнила Жанна.

– Вот я и говорю, – кивнул Макси-Кот. – Ворона-клептоманка. Они, между прочим, часто реагируют на блестящее.

Жанна, приподняв полотенце, с сомнением оглядела венки:

– Конечно, блестит, но не так уж чтобы очень. Ваши ложки блестят сильнее. И чайник – тоже. А ворона на них даже внимания не обратила.

– На что она обращала внимание, мы не знаем, – возразил я.

– Как раз, по-моему, уже знаем, – сказал Макси-Кот. – Как только венок исчез из ее поля зрения, она смылась.

– Выходит, ее не любое блестящее привлекает, – тихо произнесла Жанна.

– А может, причина в другом и все гораздо проще? – в упор взглянул на меня Макси-Кот.

– Не понял, – пробормотал я.

– Фома, – продолжал мой друг, – ты или твои предки случайно не имеют привычки прикармливать на балконе птичек?

– Птичек? Прикармливать? – обалдел я.

Бывают, конечно, любители всяких кормушек, но это не мы.

– А может, кто из соседей этим балуется? – осведомился Макси-Кот.

– Чего не знаю, того не знаю, – признался я.

– Вот видите, – победоносно взглянул на нас Макс. – Если кто-нибудь из ваших соседей в определенное время насыпает, так сказать, пернатым друзьям корм, то вполне вероятно, эта психованная ворона просто проголодалась. А этаж перепутала. Вот и требовала у нас пожарть.

– Не похоже, – покачала головой Жанна. – Мы ведь ей ничего не дали, а она улетела.

– Вот именно, – вмешался я. – А ведь мы не гнали ее и не пугали.

– Пугали! – воскликнул Макс и потерял кончик острого длинного носа. – Это у нас от нее душа в пятки ушла.

– А мне все-таки кажется, что и возле котлована, и здесь была одна и та же ворона, – сказал я. – Сами судите. Кухонный балкон у нас куда выходит? На кладбище и стройплощадку. Что какой-то вороне стоит пролететь несколько сот метров.

– Пролететь, конечно, ничего не стоит, – медленно произнес Макс. – Но тебе, Фома, не кажется удивительным, что она из всего вашего огромного дома выбрала именно твое окно? Причем окно именно той комнаты, где находились мы и лежал венок.

– И впрямь ерунда какая-то, – пожала плечами Жанна и вдруг совсем другим тоном осведомилась: – Эй, а где Пирс?

Мы изумленно переглянулись. В суматохе все совершенно забыли о песике. На кухне его действительно не было. Распахнув дверь, Жанна выбежала на балкон. Пусто. Впрочем,

не сомневаюсь: запри мы случайно Пирса там, он давно бы уже закатил жуткий скандал. И вообще мы только сейчас сообразили, что пес даже не залаял на ворону.

Похоже, его в этот момент не было на кухне.

– Пирсик! Пирсик! Ко мне! – громко позвала Жанна.

Никакой реакции.

Пирса мы обнаружили в моей комнате. На моем диване. Он сладко спал.

– Паразит! – с укором произнесла Жанна.

«Паразит» лениво спрыгнул на пол, потянулся, зевнул и принялся вяло вилять хвостом. Впрочем, мы были ужасно рады, что с ним ничего не случилось. Он, похоже, не меньше нашего обрадовался встрече и покорно засеменил вместе с нами на кухню. Там он взвился свечой на табуретку и резко сдернул полотенце с венка, видимо, полагая, что под ним лежит что-нибудь вкусненькое.

– Не там ищешь, приятель, – усмехнулся Макси-Кот и протянул псу кусок колбасы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.